

Карнаухов Дмитрий Владимирович

Доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Института истории, гуманитарного и социального образования, Новосибирский государственный педагогический университет, dvkarn@mail.ru, ORCID 0000-0001-7258-4998, Новосибирск

МИФОЛОГЕМА РОССИИ / СССР В ПОЛЬСКОЙ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности мифологизации истории Руси, России и СССР в польской учебной литературе 1990-х и 2000-х гг. Сравняется опыт России и других постсоветских стран в области формирования представлений о национальной и всеобщей истории в сфере исторического образования с опытом стран Восточной Европы, в числе которых особое внимание уделяется Польше и усилиям этой страны, направленным на формирование гомогенной идеологической среды в области представлений о прошлом.

Автором проводится анализ предпосылок и этапов формирования польской мифологемы России, показывается ее политическая и социокультурная обусловленность. На примере ряда учебных изданий, предназначенных для учащихся старших классов польских школ продемонстрированы ключевые элементы мифологического восприятия российской истории и истории российско-польских отношений. Анализируется структура мифологемы, ключевые символические события и персоны. В заключении делается вывод о влиянии политической обстановки на процесс мифологизации истории и содержание исторических мифологем.

Ключевые слова: историческая мифология, историческое образование, историография, российско-польские отношения.

Понятие *мифологемы* в современных гуманитарных науках является ключом к пониманию целого ряда феноменов общественного сознания, к которым относится также и историческое сознание. В отличие от близких понятий «образа», «нарратива» или «представления» оно позволяет объяснить порой непримиримые разночтения в «картинах мира» различных социальных и культурных общностей, основанных на архетипическом восприятии прошлого, сформировавшемся в ходе их развития.

Особенно важен этот исследовательский инструмент для реконструкции исторической картины мира тех сообществ, чье самосознание складывалось в рамках конфронтационной парадигмы в результате противопоставления «своего» и «чужого» цивилизационных пространств. Коллективное «мы» в рамках такого противо-

стояния обрело именно в мифологизированных образах прошлого потенциал для объяснения мира в категориях «своей истории». Как результат, мифологемы получили распространение прежде всего в сферах, связанных с трансляцией исторического опыта – массовой культуре и образовании. В наше время влияние мифологем на общество усиливается посредством техногенных факторов: телевидения, кино, социальных сетей и иных интернет-каналов распространения культурно значимой информации.

Помимо прочего мифологические элементы находят отражение также в историческом образовании. При этом их влияние на общественную жизнь существенно возрастает в случае формирования *политического заказа* на конъюнктурно обусловленные представления о прошлом, которые поддерживаются посредством

инвестирования в них символического капитала и материальных ресурсов. Такое инвестирование может осуществляться как государственными, так и общественными структурами, имеющими различную аффилиацию. В качестве примера можно привести финансирование книгоиздания, стимулирование переводов исторической литературы с иностранных языков и на иностранные языки, создание и продвижение кинопродукции, исторических выставок, активно влияющих на формирование представлений о прошлом, в том числе у подрастающего поколения.

Результатом такой деятельности в России и странах «ближнего зарубежья» в период постсоветской общественно-политической трансформации стали переводы на русский язык и издание огромного массива исторической литературы, отражающего «альтернативные» взгляды на прошлое. Эти процессы привели к существенной поляризации подходов к оценкам истории, характерной прежде всего для поколения учеников средней и студентов высшей школы 1990-х и 2000-х гг., что привело к расколу общественного мнения в ряде постсоветских стран. Одним из наглядных примеров такого раскола стала ситуация, сложившаяся на современной Украине, оказавшейся в ситуации затяжного гражданского конфликта, во многом обусловленного различиями в ценностных ориентациях населения этой страны.

В то же время прямо противоположные по направленности процессы, а именно процессы консолидации исторического сознания вокруг «осевой» для национального самосознания идеи – национально ориентированных исторических нарративов – в этот же период были характерны для ряда стран Восточной Европы – прежде всего Польши, Румынии, Венгрии, государств Прибалтики и бывшей Югославии. Здесь не соответствующие этой идее взгляды и подходы к интерпретации истории целенаправленно изживались или маргинали-

зировались, что способствовало формированию гомогенной идеологической среды, несмотря на формально декларируемую свободу слова и научной деятельности. Одним из факторов успешности таких процессов было использование потенциала мифологического сознания, умелая эксплуатация архетипических представлений о прошлом.

В нашей статье, используя в качестве источника издания, предназначенные для учеников школ, мы рассмотрим феномен мифологизации исторического сознания на примере представлений польского общества, одним из важнейших элементов которых является мифологема России.

В современной отечественной и зарубежной научной литературе вопросы роли школьных учебников в формировании доминант исторического сознания затрагивались неоднократно. Польский исследователь Е. Роникер в своих работах предпринимает попытку изучения «мифотворческой» роли учебной литературы, характеризуя при этом национальный исторический миф в качестве фундамента культурной памяти. Синонимом «мифа» для этого автора является понятие «исторической правды». В свою очередь учебник трактуется Е. Роникером как источник сакрального знания о прошлом, рассматриваемого сквозь призму фундаментальных культурных ценностей, принципиально важных для самого существования того или иного сообщества [13, с. 7–8]. К «школьной истории» исследователь применяет характерное для мифологического сознания понятие «(пред)определенной истории» (*historia zdetreminowana*) [13, с. 66], отличающейся от *научной истории* меньшей свободой или полным отсутствием интерпретаций ключевых фактов и событий, способных вызвать «ненужные» сомнения у подрастающего поколения.

Необходимо отметить, что в отечественной научной традиции содержание учебной исторической литературы в це-

лом и представления о России в польских школьных учебных изданиях в частности не характеризуются в категориях «мифа». Примером может служить посвященная этому вопросу работа Е. Ф. Бехтеновой. Эта исследовательница, описывая сюжеты, посвященные отечественной истории в польских учебниках, оперирует понятиями «образа» и «картины взаимоотношений» [1, с. 115, 118], что с нашей точки зрения не отражает в полной мере специфики кросс-культурных представлений, характерных для «школьной истории», к которым понятие *мифологема* применимо в большей степени, нежели понятие *образа*.

Комплекс мифологизированных представлений о России в польской интеллектуальной культуре, существенно важным элементом которой является историческое образование, сформировался под влиянием многовекового опыта преимущественно конфронтационных польско-русских / российских / советских отношений и основывался на оценке восточных соседей поляков в категориях экзистенциальной угрозы. Такая оценка была обусловлена трагическим опытом разделов Речи Посполитой во второй половине XVIII в., в которых, наряду с Австрией и Пруссией, также приняла участие Российская империя. Эти события стали поворотным пунктом в развитии польской интеллектуальной культуры и привели к возникновению особой формы национального самосознания, главной идеей которого стало восприятие Польши как жертвы исторической несправедливости.

Наиболее ярко такой подход проявился в трудах ведущего польского историка XIX в. И. Лелевеля, выдвинувшего тезис о чужеродности России не только Польше, но и славянству в целом. Российская государственная традиция воспринималась им негативно из-за характерного для нее стремления к угнетению «свободолюбивых народов», применения репрессивных мер и авторитаризма политической культу-

ры, свойственных для цивилизаций Востока [10, с. 125]. Вместе с тем польская традиция представлялась в качестве антипода российской традиции, подчеркивалась ее демократичность и ориентация на «прогрессивные ценности», характерные для европейской цивилизации.

Идеи И. Лелевеля получили развитие в трудах историков второй половины XIX и первой половины XX в.: Ф. Духиньского [5], Ф. Конечного [8], О. Халецкого [7], Я. Кухажевского [9] и др. Сформированный их усилиями «концепт России» имел ярко выраженные мифологические черты, так как в его основу была положена сугубо негативная выборка, привлекалось внимание преимущественно к тем историческим фактам и событиям, которые демонизировали восточного соседа Польши. Этот комплекс представлений оказал влияние в том числе на историческое образование, что особенно явно проявилось после возрождения независимости Польши в 1918 г., благодаря целенаправленной государственной поддержке полюцентристского исторического нарратива. Как результат, к 1939 г. (вступление Польши во Вторую мировую войну) в этой стране сформировалось историческое мировоззрение, в котором России отводилась роль «извечного врага» польского государства и народа.

Существенной трансформации мифологема России в Польше подверглась в середине XX в. под влиянием геополитических сдвигов, обусловленных итогами Второй мировой войны. Переосмыслению исторического опыта в это время способствовали два фактора. С одной стороны, довоенное поколение интеллектуалов, придерживавшееся преимущественно антироссийских и антисоветских взглядов, формировавшихся во многом благодаря школьному и университетскому историческому образованию, утратило определяющее влияние на общественное мнение из-за гибели или вынужденной эмиграции многих его ярких

представителей. С другой стороны, в связи с включением Польши в советскую сферу влияния под жестким идеологическим диктатом сформировалась новая парадигма восприятия России и СССР, предполагавшая отказ от враждебного отношения к восточному соседу и его трактовку в качестве «братского государства».

В результате произошедших изменений в период существования Польской Народной Республики (1945–1989) мифологема России / СССР утратила конфронтационные черты. Тем не менее в ней сохранялись некоторые умеренно антироссийские мотивы, в частности поддерживалась память о польских национально-освободительных восстаниях XIX в. Однако интерпретация этих событий, по сравнению с довоенным периодом, изменялась – акцент делался на борьбе с «реакционным царизмом», рассматривавшимся в качестве общего врага российского и польского революционных движений. Полностью табуировались или подвергались жесткой интерпретационной цензуре главным образом проблемные события новейшей истории, акцентирование которых могло навредить союзническим отношениям двух стран или представить СССР в невыгодном свете.

Наибольший вклад в исследование и популяризацию российской истории в ПНР внесли авторы обобщающих трудов (Л. Базылев [3], Е. Охманский [12] и З. Вуйчик [14]), использовавшихся в качестве ключевых учебных пособий при подготовке педагогических кадров для системы высшего и среднего исторического образования. Подход этих ученых не противоречил основополагающим концепциям советской историографии – повышенное внимание в их публикациях уделялось вопросам российского освободительного движения, а также польско-российским революционными связям.

Импульсом для пересмотра сформировавшийся в «народной Польше» мифологема России / СССР стал распад на-

ходившегося под советским контролем военно-политического блока социалистических стран, частью которого была Польская Народная Республика. Социально-политические изменения конца XX – начала XXI в. привели к отмене цензуры и идеологического диктата, что привело к отказу от «просоветских» подходов в польской историографии, способствовавшего возрождению характерных для довоенного периода антироссийской и антисоветской доминант в исторических представлениях.

Эти процессы также затронули учебную литературу. В учебных пособиях, предназначенных для учеников школ, опубликованных в конце XX и начале XXI в., подверглись пересмотру подходы и концепции отношений Польши с ее восточными соседями.

Особенностью взгляда на раннюю историю восточного соседа в современной польской учебной литературе является ее рассмотрение в контексте истории Польши или славянских стран.

В учебнике истории Средних веков для учащихся лицеев (высшая ступень польской средней школы) и техникумов Я. Никодема первым четырем векам русской истории посвящено несколько фрагментов. Автор, описывая различные гипотезы происхождения русской государственности, акцентирует тот факт, что «с самого начала существования Руси [ее] правителем был представитель германского народа» [11], давший начало династии, а ключевые позиции в государстве занимали *варяги*, которые лишь со временем были «вытеснены представителями местного населения». «Период расцвета» Руси ограничивается серединой XI в., при этом главными заслугами первых русских князей признается захват огромной территории и вхождение в византийский культурный ареал благодаря принятию христианства [11, с. 74].

В разделах, посвященных истории Польши, Древняя Русь представляется агрессивным и враждебным полякам государством. В очерке «Польской истории»

А. Дыбковской, Я. Жарына и М. Жарын со ссылкой на «Повесть временных лет» акцентируется захват русским князем Владимиром Червеньских градов, расположенных на польско-русском пограничье, что должно было подчеркнуть экспансионистский характер внешней политики древнерусского государства [2, с. 14]. Причем этот факт приводится без каких-либо критических комментариев, несмотря на оспариваемость соответствующего летописного свидетельства в научной историографии.

Наиболее ярким эпизодом ранней истории польско-русских отношений, которому неизменно уделяется внимание в польской учебной литературе, является участие польского князя Болеслава Храброго в междоусобных войнах наследников русского князя Владимира, завершившихся «захватом Киева» в 1018 г. Особый интерес вызывает интерпретация этих событий польскими авторами, поскольку именно они формируют у подрастающего поколения базовые представления о восточных соседях поляков, являются фундаментом мифологического восприятия Руси. Сравним подходы авторов двух использованных нами учебных пособий.

В очерке «Польской истории» вмешательство польского князя во внутренние дела Руси объясняется политикой антипольских внешнеполитических союзов русского князя Ярослава. Сообщается, что именно в ответ на заключение этим русским князем союза с германским императором Болеслав и решился на «вооруженный поход на Киев». Символом покорения столицы Руси стало триумфальное вступление польского князя в город через Золотые ворота, которые были «помечены» им мечом-щербцем (название по отметине, якобы оставленной после удара по воротам), ставшим впоследствии одной из главных польских государственных реликвий [6, с. 7].

В учебнике Я. Никодема упоминается

также и о том, что двукратный вооруженный поход против Руси должен был подчеркнуть роль Болеслава как «господствующего в этой части Европы» правителя [11, с. 87]. В этом учебнике целью захвата Киева названа передача русского княжеского престола «союзному Польше князю» и «возвращение» польской монархии ранее отторгнутых Червеньских градов. Для визуального подтверждения триумфа польского монарха размещена репродукция картины польского художника эпохи романтизма Петра Михаловского «Въезд Болеслава Храброго в Киев» (1837), на которой изображен триумф польского монарха, наносящего удар по Золотым воротам. Автор учебника хотя и сопровождает изображение комментарием о том, что «событие это не могло иметь места, поскольку Золотые ворота были воздвигнуты лишь 20 лет спустя после захвата Киева Храбрым» [11, с. 88], но тем не менее не относится критически к самому «захвату» русской столицы поляками, который в вышеупомянутой интерпретации опровергается не только русскими летописными источниками, но и результатами современных научных исследований [2, с. 29].

Последующие события в истории Руси излагаются на страницах польской учебной литературы очень кратко. В очерке «Польской истории» несколько раз упоминается о польско-русских династических браках [6, с. 12], захватах Киева польскими монархами, «следовавшими заветам великого прадеда Болеслава Храброго» [6, с. 14–15], а также об особенностях русской православной культуры (в разделах, посвященных «восточной схизме») [6, с. 13]. Я. Никодем уделяет внимание Руси в главе «Удельная Европа». Процесс дробления единого древнерусского государства на княжества представляется как объективный процесс, характерный для всей Европы. Этот автор отмечает ключевую роль для русской истории «монгольского порабощения» и признает важность

объединительной политики Москвы в контексте стремления Руси избавиться от подчинения Золотой Орде [11, с. 126]. Именно с этим связывается последующий рост мощи Московского княжества, его превращение в сильное государство и соперника польско-литовского государства.

Важное место в польской мифологеме Руси занимает обоснование присоединения к Польше в XIV в. огромного массива юго-западных восточнославянских земель, которое стало причиной многовекового соперничества с московским / российским государством за контроль над ними.

Доводами, оправдывающими принятое польским королем Казимиром III решение об инкорпорации юго-западной Руси, в очерке «Истории Польши» названы «обращения конфликтовавших друг с другом русских князей за помощью к Польше и Венгрии», упадок их земель, а также отравление галицкой знатью князя Юрия, указавшего в качестве наследника своего титула польского короля. Тем самым захват русских земель, увеличивший территорию Польши почти в два раза, трактуется в качестве законного, предусмотренного договором права ее монарха. При этом особое внимание уделяется политике Польского королевства, направленной на экономическую, правовую и культурную интеграцию Руси, нашедшую выражение в имплементации на русских землях европейского права и польских административных норм, сочетавшуюся с политикой веротерпимости [6, с. 44]. В свою очередь в учебнике Я. Никодема Галицко-Владимирская Русь названа спорной территорией, за которую боролись «языческая Литва», монголы и Венгрия [11, с. 153]. Тем самым «захват» русских земель Польшей (этот автор не использует термин «присоединение») рассматривается как величайший успех и «выгодное приобретение» для польской монархии, ценный военный трофей.

Оценки и трактовки дальнейших событий истории Руси в изученной нами учеб-

ной литературе были продиктованы упомянутыми выше комплексами восприятия восточных соседей поляков как населения «покоренных» или «захваченных» территорий, тогда как любые претензии на них со стороны иных государств рассматривались в качестве покушения на трофеи, принадлежащие польской монархии «по праву» победителя. Как результат, само понятие Руси (в границах инкорпорированных территорий) исчезает со страниц современных польских учебников, русские земли лишаются субъектности, их история рассматривается как часть истории польского и литовского государств, объединенных персональной унией.

«Восточнославянские» сюжеты, связанные с событиями XVI–XVIII вв., главным образом посвящены противоборству польско-литовского государства с Москвой / Россией. Для освещающих эти сюжеты авторов польских учебников понятия Москва / Великое княжество Московское и Россия практически тождественны. В противоборстве выделяется несколько кульминаций, которым авторы польских учебников уделяют особое внимание. К ним относятся войны с Великим княжеством Московским начала XVI в., Ливонская война, участие Речи Посполитой в событиях «смутного времени», война середины XVII в., которая привела к уступке Речью Посполитой России левобережной Украины и Киева. Авторы учебников при этом делают акцент на достоинствах польской военной организации и уделяют внимание прежде всего победным для Польши битвам под Оршей и Клушиным.

Особую значимость для современной польской мифологемы России имеет «украинский» вопрос. На страницах использованных нами учебников он затрагивается при описании «казацких войн», охвативших Речь Посполитую в середине XVII в. и ставших одной из причин ее упадка.

В очерке «Истории Польши» Россия

изображается как страна, неправомерно вмешавшаяся во внутренний польский конфликт и извлекая из него пользу. В рамках такого подхода осуждается Переяславское соглашение 1654 г., санкционировавшее присоединение левобережной Украины к России. Но в то же время подчеркивается историческое значение заключенной в 1658 г. унии в Гадяче, предусматривавшей превращение Речи Посполитой в федерацию трех государств: Польского королевства, Великого княжества Литовского и Русского княжества, связанных друг с другом «как равные с равными, свободные со свободными и благородные с благородными» [6, с. 125]. Виновницей неудачи гадячского проекта трансформации «речьпосполитской» государственности авторами очерка признается Россия из-за объявления ею войны ослабленной внутренним конфликтом Польшей которая привела к насильственному отторжению от нее «взбунтовавшейся» провинции.

Именно вмешательство России в «казачьи войны» открывает пространный перечень претензий, которые «превратили» ее из соперника в «извечного» врага Польши. К таким претензиям принято относить: неправомерное вмешательство во внутренние дела Речи Посполитой прежде всего в вопросах защиты прав религиозных диссидентов [6, с. 144, 150]; участие в ее разделах [6, с. 158–162]; подавление национально-освободительных восстаний и преследование их участников [6, с. 178, 182, 194]; насильственная русификация и насаждение российских административных регламентов [6, с. 196]; пренебрежительное отношение к национальному языку и религиозным традициям, насаждение православия и многое другое.

В современной польской мифологии России важную роль играют как персоналии-«антигерои», так и символизирующие российско-польскую вражду события. Среди персоналий выделяются посол Екатерины II в Варшаве Н. В. Реп-

нин, по приказу императрицы репрессировавший польских патриотов [6, с. 150]; имперские наместники в Царстве Польском великий князь Константин Павлович и И. Ф. Паскевич [6, с. 183]; виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев, называемый «вешателем» из-за жестокого подавления «январского» восстания 60-х гг. XIX в. [6, с. 193]. Среди событий особое значение приобрели создание в Петербурге Тарговицкой конфедерации, ставшей синонимом предательства интересов Польши в интересах России [6, с. 158], победа вооруженных крестьянским инвентарем польских повстанцев Т. Костюшко над регулярной русской армией под Рацлавицами [6, с. 159], «кровавая расправа с защитниками и безоружными гражданским населением» варшавской Праги солдатами А. В. Суворова [6, с. 162] и ряд других. Символическое значение для современного исторического сознания поляков сохраняют также лозунги эпохи борьбы за независимость Польши, среди которых выделяется обращенный к народам Российской империи призыв к борьбе «За нашу и вашу свободу».

В наибольшей степени в современной польской традиции исторических представлений мифологизирован образ России XX в. Его ключевым элементом является резко отрицательное отношение к большевизму и советскому общественно-политическому строю, воспринимаемому в качестве нового воплощения царизма. Характерна эта тенденция также и для учебной литературы. К примеру, в учебнике для 3 класса гимназии Л. Хмеля, Б. Ягелло и А. Сыта дается негативная оценка «октябрьских событий» 1917 г. По мнению авторов этого учебного пособия, «власть советов, а точнее большевиков, лишила шансов на переход России к демократическим переменам, которые появились после свержения царизма», поскольку «новая власть под лозунгами диктатуры пролетариата объявила войну всем тем,

кто иначе понимал революцию и хотели иных реформ» и – как результат – лозунг «Кто не с нами, тот против нас» послужил оправданием для террора и нарушения основополагающих принципов демократии, за которые боролись многие поколения российских революционеров» [4, с. 21].

Важным мотивом для демонизации России в ее «советском» облики являлись интересы возрожденного в 1918 г. независимого польского государства, претендовавшего на территории, принадлежавшие Российской империи до Первой мировой войны. На страницах современных польских учебников претензии советских республик на эти земли, утраченные Речью Посполитой в результате разделов, характеризуются как «проявления империализма», тогда как польские претензии оправдываются стремлением к восстановлению исторической справедливости [4, с. 94]. Такой подход проявился, в частности, в оценках «польско-большевистской» войны 1919–1921 гг., для которых характерно положительное отношение к «освобождению» польской армией Вильно и Киева, тогда как ответное «нашествие» Красной Армии на Варшаву трактуется как угроза не только для независимости Польши, но и «всей христианской цивилизации» [6, с. 234].

Таким образом, мифологизация «советской» России, применение к ней традиционных негативных «ярлыков», ранее характеризовавших царизм, отразило реакцию на возрождение в XX в. старого антагонизма двух стран.

Характерное для современных польских учебников истории негативное отношение к СССР объясняется прежде всего репрессиями советских властей, коснувшимися в том числе и этнических поляков [6, с. 263–264]; антипольской политикой, проводившейся «Советами» в период Второй мировой войны и нашедшей выражение в заключении пакта Молотова–Риббентропа и последующем «на-

падении на Польшу» 17 сентября 1939 г. [4, с. 168]; «советским террором на восточных польских землях» – массовыми расстрелами польских офицеров НКВД и депортациями гражданских лиц [6, с. 213–215], а также пассивным содействием И. В. Сталина нацистам в подавлении Варшавского восстания 1944 г., который «не собиравшись помогать сражающейся [польской] столице <...> предпочитал безучастно смотреть на то, как гибнет непокорный народ» [6, с. 299]. При этом мотивы и причины проведения этой политики советской стороной авторами польских учебников не подвергаются критическому и объективному анализу.

Элементом, венчающим современную польскую мифологию СССР, являются представления о территориальном «грабеже» и «порабощении» страны в послевоенный период. Их символами на страницах учебной литературы представляются решения Ялтинской конференции 1945 г., лишившие Польшу половины ее довоенной территории, оценивающиеся как «беззаконие» [6, с. 300]; подавление антисоветского польского подполья при содействии войск НКВД СССР и репрессии против его участников, а также насаждение «коммунистической власти», полностью подконтрольной Москве, представители которой характеризуются как «могильщики польского права на независимость» [6, с. 302].

В учебнике Л. Хмеля, Б. Ягелло и А. Сыта повышенное внимание уделяется вопросу экономического ущерба, нанесенного Польше «грабительской» политикой «обоих оккупантов» [4, с. 259]. Негативно характеризуется советская политика на переданных после войны Польше немецких землях, на которых материальными ценностями, как пишут авторы учебника, распоряжалось командование советских частей, «демонтировавшее и отправлявшее в СССР фабричное оборудование» [4, с. 262–263]. При освещении этой темы опять же проявляется характерная

для мифологических конструктов избирательность – на страницах изученных нами учебных изданий вовсе не упоминается о вкладе СССР в освобождение Польши от нацистов или помощи, которая оказывалась этой стране в период послевоенного восстановления ее хозяйства.

Как результат, действия советского государства в отношении Польши не только не оцениваются разносторонне и объективно, но и приравниваются к действиям нацистской Германии. Эта констатация в наше время является, пожалуй, самым нелицеприятным для российских властей и общественности постулатом, который в то же время имеет ключевое значение для современной польской мифологемы России, направленной на ее последовательную демонизацию.

Выраженный антироссийский и анти-

советский характер исторической мифологии современной Польши приобретает ключевое значение в контексте характерной для этой страны избыточной политизации представлений о прошлом, которая оказывает существенное влияние на ее общественно-политическую и культурную жизнь в наши дни. Школьное историческое образование и обеспечивающие его эффективность учебные издания в немалой степени способствуют достижению этой цели посредством целенаправленной мифологизации национальной и всеобщей истории, навязывания подрастающему поколению идеологически обедненных не критических представлений об историческом процессе, важным элементом которого является нагнетание враждебности в отношении одних стран и идеализация других.

Библиографический список

1. *Бехтенова Е. Ф.* Исторические сюжеты и методические доминанты в вопросах взаимоотношений России и Польши на страницах современных польских школьных учебников истории // Сибирский педагогический журнал. – 2013. – № 1. – С. 114–119.
2. *Головкин А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII в. – Киев: Наукова думка, 1988. – 137 с.
3. *Bazyłow L.* Historia Rosji. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1985. – 592 s.
4. *Chmiel L., Jagiello B., Syta A.* Historia: klasa 3 gimnazjum: podręcznik. – Warszawa: Oficyna Wydawniczo-Poligraficzna Adam, 2002. – 344 s.
5. *Duchiński F. H.* Zasady dziejów Polski i innych krajów słowiańskich i Moskwy. Cz. 1–3. Paryż: Renou i Maulde, 1858–1861.
6. *Dybkowska A., Żaryn J., Żaryn M.* Polskie dzieje: od czasów najdawniejszych do współczesności. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1994. – 377 s.
7. *Halecki O.* The Borderlands of Western Civilization. A History of East Central Europe. New York: Roland Press, 1952. – 556 p.
8. *Koneczny F.* Dzieje Rosji. – Т. 1–3. – Warszawa: Wilno, 1917–1929.
9. *Kucharzewski J.* Od Białego Caratu do Czerwonego. – Т. 1–7. – Warszawa: Wydawnictwo Kasy im. Mianowskiego: Instytutu Popierania Nauki, 1926–1937.
10. *Lelewel J.* Dzieje Litwy i Rusi aż do unii z Polską w Lublinie 1569 zawartej. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1969. – 254 s.
11. *Nikodem J.* Średniowiecze. Podręcznik dla liceum ogólnokształcącego, profilowanego i technikum (zakres podstawowy i rozszerzony). – Warszawa: Wydawnictwo Juka, 2004. – 311 s.
12. *Ochmański J.* Dzieje Rosji do roku 1861. – Warszawa; Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986. – 254 s.
13. *Ronikier J.* Mit i historia: mitotwórcze funkcje podręczników szkolnych. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2002. – 174 s.
14. *Wójcik Z.* Dzieje Rosji: 1533–1801. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1971. – 392 s.

Поступила в редакцию 28.01.2019

Dr. Sci. (Hist.), Prof. of the Department of Russian and General History, Institute of History, Humanities and Social Education, Novosibirsk State Pedagogical University, dvkarn@mail.ru, ORCID 0000-0001-7258-4998, Novosibirsk

THE MYTHOLOGEME OF RUSSIA / USSR IN THE POLISH EDUCATIONAL LITERATURE OF THE END OF THE XX – BEGINNING OF THE XXI CENTURIES

Abstract. The article depicts the features of the mythologization of the history of Russia, Russia and the USSR in the Polish textbooks of the 1990s and 2000s. It compares the experience of Russia and other post-Soviet countries in the formation of ideas about national and universal history in the field of historical education with the experience of Eastern European countries, among which special attention is paid to Poland and the efforts of this country aimed at creating a homogeneous ideological environment in the field of ideas about the past.

The author makes an analysis of the prerequisites and stages of the formation of the Polish mythology of Russia, shows its political and socio-cultural context. Using the example few educational publications intended for high classes students in Polish schools, makes an analysis key elements of the mythological perception of Russian history and the history of Russian-Polish relations are demonstrated. There is also given the characteristics the structure of the mythology, key symbolic events and persons. The conclusion is made about the influence of the political situation on the process of mythologizing history and the content of historical myths.

Keywords: historical mythology, historical education, historiography, Russian-Polish relations.

References

1. Bekhtenova, E. F., 2013. Historical plots and methodical dominants in the question of interrelations between Russia and Poland on the pages of modern Polish study books of history. *Siberian Pedagogical Journal*, No 1, pp. 114–119. (In Russ.)
2. Golovko, A. B., 1988. Ancient Russia and Poland: political interrelations in the X – first third of the XIII centuries. Kiev: Scientific thought Publ., 137 p. (In Russ.)
3. Bazyłow, L., 1985. History of Russia. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich Publ., 592 p. (In Polish)
4. Chmiel, L., Jagiełło, B., Syta, A., 2002. History: middle school class 3. Textbook. Warsaw: Oficyna Wydawniczo-Poligraficzna Adam Publ., 344 p. (In Polish)
5. Duchński, F. H., 1858–1861. The rules of the history of Poland and other Slavic countries and Moscow. Cz. 1–3. Paris: Renou i Maulde Publ. (In Polish)
6. Dybkowska, A., Żaryn, J., Żaryn, M., 1994. Polish history: from the earliest times to the present day. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe PWN Publ., 377 p. (In Polish)
7. Halecki, O., 1952. The Borderlands of Western Civilization. A History of East Central Europe. New York: Roland Press Publ., 556 p. (In Eng.)
8. Koneczny, F., 1917–1929. History of Russia. Vol. 1–3. Warsaw: Vilno Publ. (In Polish)
9. Kucharzewski, J., 1926–1937. From White to Red Czarizm. Vol. 1–7. Warsaw: Wydawnictwo Kasy im. Mianowskiego Publ.: Instytutu Popierania Nauki Publ. (In Polish)
10. Leleweł, J., 1969. History of Lithuania and Rus until the union with Poland in Lublin 1569 concluded. Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe Publ., 254 p. (In Polish)
11. Nikodem, J., 2004. Middle Ages. Manual for high school, profiled and technical secondary schools (basic and extended scope). Warsaw: Wydawnictwo Juka Publ., 311 p. (In Polish)
12. Ochmański, J., 1986. History of Russia till 1861. Warsaw; Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe Publ., 254 p. (In Polish)

13. Ronikier, J., 2002. Mit and history. The mythological functions of school textbooks. Cracow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego Publ., 174 p. (In Polish)

14. Wójcik, Z., 1971. History of Russia: 1533–1801. Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe Publ., 392 p. (In Polish)

Submitted 28.01.2019